

Свыше 100 лет тому назад об этом же писал и Карл Маркс: «... хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»³.

Как это ни парадоксально с первого взгляда, глубокие различия между языками обычно устанавливают те серьезные ученые, которые одновременно интересуются универсальными тенденциями развития языков мира. И это вполне закономерно. Общие черты между языками (они, безусловно, имеются) лишь рельефнее выделяют национальную специфику каждого из них. Если бы дело обстояло иначе, то, изучив, например, английский язык, мы одновременно стали бы понимать грузинские или японские тексты. Увы, этого, к сожалению не бывает. Методика же В. В. Иванова («один язык как все языки»), примененная им самим к санскриту, привела, по словам хорошо известного зарубежного компаративиста, к провалу⁴.

Выдвигая тезис «во всех языках мы описываем один язык», В. В. Иванов, по-видимому, имеет в виду так называемые глубинные структуры языков мира. Но отождествлять разные языки с мышлением разных народов, говорящих на этих языках, так же недопустимо, как и изолировать языки от мышления. Между тем некоторые современные лингвисты постоянно бросаются из одной крайности в другую: то настойчиво изолируют язык от мышления, то столь же настойчиво отождествляют язык и мышление. И та и другая концепции теоретически несостоятельны, практически бесплодны.

Разумеется, проблема универсальных категорий в языках мира, как и проблема универсальных функций, свойственных всем языкам, должны изучаться самым тщательным образом. Особый интерес представляет, в частности, вопрос о сближении между различными языками, бытующими на территории Советского Союза, где созданы особо благоприятные условия для взаимодействия между различными языками и культурами. И все же вопрос о том, какими специфическими способами передаются общие лингвистические категории в каждом отдельном языке, и здесь должен оставаться в центре внимания каждого филолога.

Обращаюсь к другой центральной теме, которая разделяет современную лингвистику на два основных, теоретически противоположных лагеря. Согласно одной точке зрения (ее формулирует в своей статье В. В. Иванов) лингвистика — это «теория отношений между языковыми системами» (3, 253). Согласно другой точке зрения, которую всегда стремлюсь развивать и я, лингвистика — это наука о языке и языках в их материальном существовании и функционировании, в их статике и динамике, в глубоком взаимодействии их содержательных и формальных категорий, в их взаимоотношениях, во всей их сложной общественной сущности. Следует подчеркнуть, что эти два определения принципиально различны, теоретически противоположны. Как мы сейчас увидим, при первом истолковании субстанция (материя) языка выводится за пределы лингвистики, при втором — она оказывается в центре внимания исследователя. Едва ли следует иронизировать над такого рода противопоставлением, оно имеет глубокие основания. Напомню классическое положение марксизма: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей,

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 12, стр. 711.

⁴ См. блестящую и остроумную рецензию французского компаративиста А. Миара на брошюру: Иванов В. В. и Топоров В. Н. Санскрит. М., 1960. Рецензия опубликована: «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 1963, № 2, стр. 47—50. Общая оценка: «C'est un échec» — «Это провал» (стр. 49). См. также критику концепции В. В. Иванова (стремление отождествить сознание людей с различными знаковыми системами) в принципиально важной статье: Савченко А. Н. Язык и системы знаков. — Вопросы языкознания, 1972, № 6, стр. 24.